

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.1.023

УДК 130.2

*К. П. Шевцов**

СТРУКТУРА СЕТЕВОГО Я: САМОСОКРЫТИЕ И САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ**

В статье ставится вопрос о новом опыте субъективности и сознания Я, формирующемся в поле современных медиа, прежде всего в новом формате сетевой коммуникации. Отправным пунктом является утверждение, что структура Я напрямую зависит от той сферы деятельности, в которой субъект себя утверждает. Можно различить три типа данности Я, соответствующих трем типам утверждения субъекта: Я могу, Я мыслю, Я знаю. Первый тип реализует себя в сфере предметного опыта, второй — в сфере обмена с другими людьми, третий — в поле означающих, или в языке в самом широком смысле. Сетевая коммуникация обусловлена развитием цифровых технологий, поэтому она включает человека в среду означающих, предполагающих тотальную работу измерений и исчислений субъекта, постоянный перевод из позиции самополагания и утверждения в позицию включения в определенный порядок коммуникаций. В итоге можно говорить о появлении новой формации сетевого Я, выражающего себя в утверждении Я включен, и реализующего себя в форме самосокрытия либо саморазоблачения.

Ключевые слова: сеть, сетевое Я, сознание, способ предъявления Я, цифровое бессознательное.

K. P. Shevtsov

NETWORK SELF STRUCTURE: SELF-CONCEALMENT AND SELF-DISCLOSURE

The article raises the question of a new experience of subjectivity and consciousness of the Self, that is being formed in the field of modern media, primarily in a new format of network communication. The starting point is the statement that the structure of the Self directly depends on the sphere of activity in which the subject asserts himself. Three types of the given Self can be distinguished, corresponding to three types of the subject's statement: I can, I think, I know. The first type realizes itself in the sphere of objective experience, the second — in the sphere of exchange with other people, the third — in the field of signifiers, or in language in the broadest sense. Network communication is due to the development of digital technologies, therefore, it includes a person in the environment of signifiers, involving

* Шевцов Константин Павлович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации; shvkst@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

the total work of measurements and calculations of the subject, constant translation from the position of self-setting to the position of inclusion in a certain order of communications. As a result, we can talk about the emergence of a new formation of the network Self, expressing itself in the statement “I am included”, and realizing itself in the form of self-concealment or self-disclosure.

Keywords: network, network Self, consciousness, method of presenting the Self, digital unconscious.

Мы живем на два дома — в сети и вне ее. Пандемия коронавируса заставила многих перенести в сеть свое место работы, и, хотя это вызвало бесконечный поток жалоб на условия труда и качество результата, жалобы разносилось главным образом по сетям, создавая новые поводы для коммуникации и взаимной поддержки малознакомых людей, связанных общением в Интернете. Есть вполне очевидные причины для недовольства сетевыми контактами. Они лишают коммуникацию опоры на близкие взаимодействия, личные отношения, требующие глубокой включенности, интенсивности обмена, доверия и непосредственной реакции. И если раньше эти недостатки вели к простому разграничению близких и сетевых контактов, то сегодня жизнь в сети не только устанавливает свои стандарты поведения, предъявления себя, способы признания или несогласия, но и навязывает их близкому кругу, ограничивая, а иногда и полностью вытесняя личное общение. Разумеется, за этим процессом стоит как прагматика удаленного взаимодействия, так и новый тип социального принуждения, деклассирующий любую форму присутствия offline, но не стоит забывать и о новом виде удовольствия, связанном с ощущением широты охвата, множественности и свободе связей, непрерывной доступности подключения и пр.

В «Азбуке медиа» Норберт Болц говорит об этом в терминах «слабых связей», которые позволяют скользить по границам жестких структур, таких как телесная представленность, определенность лица и далее вплоть до игры формами социальной идентичности [1, с. 108]. К этому стоит добавить и еще один эффект сетей, состоящий в практически полном стирании границы между сообщением и комментарием, фактом и оценкой, что создает у активного пользователя ощущение головокружительной легкости, полного растворения и всеприсутствия в сети. В связи с этим возникает вопрос, как обстоит сегодня дело с позицией субъективности в сети и уместно ли все еще говорить о формах идентичности в применении к сетевым коммуникациям? Возможно, стоило бы поставить вопрос и о нравах или характерах в сети, но эта бескрайняя тема потребовала бы своего Теофраста или Лабрюйера. Поэтому мы ограничимся более общим вопросом, а именно: можно ли выделить специфическую структуру сетевого Я? И если сознание Я, как представляется, существенным образом связано со средой, позволяющей придать определенность присутствия и реализации субъекта, то как в таком случае работает поле выявления и предъявления Я в сети?

Мануэль Кастель определяет сети как «совокупность взаимосвязанных узлов»; сети производят потоки, «потоки представляют собой движение информации между узлами, циркулирующее по каналам связи между узлами» [2, с. 65]. В статье под сетью мы будем понимать любую коммуникацию, пере-

несенную в сферу online (социальные сети, YouTube, общение в Zoom, Личных кабинетах и пр.). Этот перенос стал возможен благодаря торжеству цифровых медиа и потому стоит внимательнее отнестись к тому, какой смысл несет в себе понятие «цифры». Арабское слово صفر *ṣifr* означает «ничего, пустое место, ноль», и в отличие от чисел, задающих порядок счёта, цифра является лишь определенным способом записи, причем изначально (в качестве знака нуля) чисто синтаксическим элементом, необходимым для перехода от одного десятичного порядка к другому. Таким образом, этот знак «означает не число и даже не отсутствие числа, а весь числовой период, как если бы все его числа содержались в самом исходном отношении нуля и единицы — как безмерного и меры, ничто и бытия» [3, с. 54].

Иными словами, цифра представляет собой не меру, а возможность производить новую меру, бесконечный ряд чисел, возникающий благодаря прибавлению нового порядка приписыванием нового нуля. Цифра оказывается тем идеальным означающим, который, оставаясь всегда в тени других знаков, обеспечивает переход от одного знака к другому, то есть умножение знаков, готовых отвечать любому событию, желанию, чувству, бесконечно транслироваться и циркулировать в медиаполе. Сетевая коммуникация как раз и обеспечивает подобное размножение форм и способов взаимодействия, площадок и поводов для контактов, воспроизводя коммуникацию ради коммуникации как основание всех обменов, как способ установления и поддержания всех значимых социальных отношений.

Как же предъявляет себя Я в условиях коммуникации, которая существует прежде всего ради воспроизведения самой себя, оцифровки всего и вся и тотального обмена всего на знаки? Господство «цифры» предполагает не только умножение исчислений и мер, но и тотальное исчисление, которое втягивает самые разные области жизни в пространство измерения и оценки. Еще Ницше показал, что формирование субъекта морали, носителя социальной ответственности, невозможно без существенной трансформации в человеке его животной природы, прежде всего, без превращения его в предсказуемого, исчислимого существа, готового отвечать за себя как в отношении настоящего, так и будущего [5, с. 440]. Современные сети совершают настоящий прорыв в этом направлении, потому что, прежде всего, предлагают инструментарий для доскональной оценки и измерения всех предпочтений участников коммуникации. Коммуникация сегодня есть не что иное, как предъявление соответствия определенным запросам сети и формулировка запросов в соответствии с правилами, которые, в свою очередь, становятся основой для уточнения коммуникативного профиля, нового исчисления интересов и приоритетов и дальнейшего формирования запросов на подключение к коммуникации.

Особое значение здесь приобретает обсуждение «знаковых» событий или учреждение своих событий-поводов, которые формируются как своеобразные центры идентичности. Эти «события», обладающие как бы избыточной выразительностью, нередко оказываются просто фейками, но потребление таких событий зависит уже не от соответствия сообщения факту, а от способности повышать интенсивность коммуникации и порождать в ответ как попытки опровержения, так и новые фейки, подкрепляющие собой прежние [7, с. 54].

То, что фейк может работать на формирование идентичности сетевого Я, отнюдь не противоречит принципу личного тождества. В свое время Джон Локк связал формирование личного тождества с деятельностью памяти и уже первые критики не преминули указать на слабость и недостоверность памяти, которая забывает многое из того, что мы считаем неотъемлемой частью своей персоны. Сила локксовской концепции состояла, однако, в том, что его заботила не точность отдельного воспоминания, а сам акт присвоения памяти, в результате которого мы признаем некое прошлое в качестве «своего» [4, с. 391]. А поскольку прошлое всегда уже завершилось, идентичность оказывается исходно знаком утраты, своего рода измерением без меры, возбуждающим желание быть, примеряя на себя все новые образы и статусы, включаясь в новые цепочки сообщений. Вот почему «современное сетевое «Я» приобретает характер фейка, и именно поэтому мы нуждаемся в безусловном доверии к фейкам, которое обеспечит признание и доверие новому способу присутствия «Я» [7, с. 60].

Большц пишет, что в современных условиях перепроизводства информации существует постоянный спрос на сжатие информационных потоков и наделение их смыслом [1, с. 18], поэтому идентичность (даже пустая, фейковая) выполняет роль личного навигатора, позволяющего ориентироваться в поле коммуникации. Большинство оперирует готовым набором приоритетов, оценок, знаковых тем и ключевых фраз, которые считает выражением собственного понимания мира. Но как же задается в сети само отношение к чему бы то ни было как «своему», как манифестации не только своих взглядов, но и своего Я? И если действительно идентичность представляет собой знак утраты, то как мы присваиваем себе этот знак? Иначе говоря, мы ставим вопрос не столько о том, как Я действует в сети, сколько о том, как оно позволяет пользователю сети предъявить себя.

Понятие «Я» имеет слишком неопределенное наполнение, включая элементы порой несовместимые — эмпирические, трансцендентальные, метафизические, моральные, юридические, религиозные. Даже в рамках чисто эмпирического подхода Локка тождество Я включает как психологизм воспоминания, так и радикальную ответственность за свое прошлое и будущее. Если говорить о формации сетевого Я, то очевидно, что она, прежде всего, реализуется в поле означающих, в котором Я это — просто знак, позволяющий строить определенное множество высказываний. Мы вписали себя в язык, и в частности в сетевой дискурс, но поскольку вовлечение в коммуникацию предполагает исчисление человека, его желания быть в сети, вступать в общение, оставаться на связи, то вопрос необходимо ставить о том, что именно подвергается исчислению.

Чтобы проиллюстрировать суть проблемы обратимся к классическому тезису Декарта, который задает парадигмальную позицию Я. С точки зрения цели, которую преследует Декарт, очевидна дискурсивная природа *cogito*, поскольку его утверждение должно стать основанием научного метода и новой науки о мире. При этом Я является как частью нового дискурса, так и его предпосылкой, поскольку претендует на утверждение достоверности, не требующей для себя никаких опосредований, а значит и опоры на дискурс. В тезисе Декарта присутствует и еще один компонент, который обеспечивает переход от акта мыш-

ления к дискурсу науки. Собственно, он и является основой всех последующих исчислений, потому что вводит уравнение «мыслить=быть», которое отныне не только позволяет сводить бытие к фигурам мышления, но и, в дальнейшем, находить все новые физические, психологические, физиологические, биохимические мерки для того, что мы называем мышлением или манифестацией Я.

Этим трем компонентам соответствует три способа присутствия, предъявления Я. Деятельность субъекта получает свой облик, свою определенность, в зависимости от того, на какого рода предметы она направлена, в чем она находит свое отражение, какой образ берет в качестве отправной точки своих актов. Маленький ребенок находит удовольствие в различении элементов опыта еще до того, как узнает их названия или способы утилитарного использования; он научается также различать действие и предмет действия и настраивать действие таким образом, чтобы добиваться наиболее желанного предъявления предмета. Таков смысл лакановского понятия стадии зеркала, описывающей восторг ребенка от узнавания и воздействия на видимый образ, подхватывания его изменений и использования его в новом акте видения и узнавания. Весь этот процесс может быть описан практическим полаганием «Я могу», и в конечном итоге дает определенный уровень предъявления, узнавания и указания на себя, аналогичный указанию на любой из предметов опыта: «Это — Я!»

Картезианское сомнение в отношении чувственных данных происходит именно на этом уровне и до всякого суждения о внешней реальности воспринимаемых образов дает очевидность собственного действия как утверждения Я. Этот тип предъявления можно понимать как своеобразное возвращение взгляда, поскольку тот, кто видит, оказывается и тем, кто непрерывно видит себя видящим, открытым и доступным миру. Любое действие в сети, начиная с включения компьютера, дает это первичное удовольствие от видения и узнавания себя, от до-словесного утверждения своего «Я могу».

Иной тип предъявления себя возникает в отношениях с другими людьми, поскольку эти отношения предполагают обмен, необходимость поделиться, отдать, подарить что-то свое и таким образом вызвать другого, привлечь его внимание, направить взгляд. В этом случае мы, прежде всего, показываем себя, говорим: «Вот Я!», и отстраиваем себя так, чтобы произвести впечатление на другого. Этот облик Я известен как лицо, которое мы можем видеть только в зеркале, потому что по природе своей оно обращено к другому, собирая в себе все то, что мы считаем условием различия и общности с другим. Для Декарта эта позиция задана выводом о бытии из акта *cogito*, поскольку именно в мышлении устанавливается связка уникальности субъекта и тождества бытия. Таким образом, Декарт не только полагает свое присутствие, но и показывает пример, который может быть воспроизведен всеми и каждым как единственно верный способ вхождения в пространство мышления. Аватарка, никнейм, название почтового ящика, любые иконки, которыми мы пытаемся обозначить свою причастность событию, обеспечивают нас той формой сетевого Я, которую мы считаем уместной, значимой, привлекательной, интересной. Если присутствие сегодня, как пишет Больц, означает «доступность» для контакта, то именно способ предъявления себя сети и есть современный аналог картезианского *cogito ergo sum*.

Выход мышления к бытию сохраняет определенное различие мышления и бытия, поскольку допускает разнородность внутреннего и внешнего, мыслящего и протяженного, мышления одного Я и мышления других. Но есть и такое различие, которое разделяет и одновременно уравнивает различное, поскольку переводит все в знаки, и именно в поле означающих мы обретаем третий способ данности Я. Знак первого лица занимают особую позицию в речи, но в конечном итоге его значение определяется комбинациями других знаков, благодаря чему личный опыт переходит в порядок знания, подлежит измерению и исчислению, без которых невозможно теперь представить полноценное включение в коммуникацию. Исчисление дает завершенную форму знания, поэтому можно сказать, что присутствие в сети стремится к форме «Я знаю, кто Я такой», хотя чаще выражается в отстаивании права на знание чего-то другого («Я знаю, о чем я говорю») и в предъявлении себя как эксперта в отношении предмета обсуждения («Я такой!»). Те идентичности, которые мы создаем и примериваем на себя, строятся по правилам этого «знания», какими бы странными и зыбкими ни были его основания, скрывающие себя в сумраке offline.

Если природа субъекта состоит в деятельности, то его предъявленность, данность себе зависит от того, в каком поле эта деятельность совершается и на что она направлена. Но поскольку и предмет деятельности зависит от того, как с ним управляется субъект, то каждый тип данности Я ставит перед нами вопрос о том, как удастся достичь соответствующей формы мобилизации, собранности Я, чтобы не только структурировать опыт, но и поймать свое отражение в объектах внимания и действия. Это отражение, как считал Фрейд, задает лишь поверхностную структуру, которая скрывает за собой обширную область бессознательного. Отношение Я и Оно полно драматизма, но это не отменяет того, что Я предстает лишь вынесенной в мир, дифференцированной и структурированной частью Оно [6, с. 313]. Но это значит, что и позиция Я определяется не только полем деятельности, но и формой бессознательного, которая делает Я проводником влечений, распорядителем энергии Оно. И если тождество Я образовано, как думал Локк, ответственностью, которую мы принимаем за свое прошлое и будущее, то тем самым необходимо признать, что мы берем на себя ответственность не только за известное, но и забытое, не только за те цели, которые ясно сознаем, но и за те, которые скрыты на дне наших желаний.

Как известно, Фрейд представляет инстанцию Я как компромисс внутреннего и внешнего, влечений и реальности. Площадкой для компромисса заявлена сфера восприятия, но очевидно, что такой сферы нет как врожденного единства, поток впечатлений сшивается в единство с большим трудом, поверхность тела осваивается благодаря долгой работе, посредством которой субъект вырастает в свое Я, обретая его как результат и как меру своего присутствия в мире. Речь идет о мере как связности усилий и восприятий, образующей живое равновесие внутреннего и внешнего, при этом конкретная форма такой связности задает как освещенное поле сознания, так и густую тень бессознательного, собирающую в себе все, что представляется лишенной меры, несоразмерным установленному равновесию. Такой внутренней мерой Я может быть счет, поскольку мы привыкаем рассчитывать свои действия и усилия. Например,

представляем, сколько времени может уйти на завершение работы или на дорогу до ближайшей остановки, сколько усилий заберет взятие высоты, или сколько знаков внимания необходимо оказать другому в соответствии с его статусом или временем, которое прошло с прежней встречи и т. п.

В нашем отношении к себе и миру всегда присутствует эта невыраженная и часто неосознанная калькуляция, которая позволяет каждому действию и событию выставлять соответствующую ему меру. Даже видимый образ представляет собой синтез множества микродвижений и микровзглядов, которые задают первичную оценку того, какое место будет уделено ему в общей экономии сознания. Вся эта калькуляция предполагает единство меры, связывающей конечные усилия в последовательность актов, набрасывающих сложный рисунок на объект внимания. Собственно, Я и выступает в качестве такой меры, позволяющей суммировать и вычитать действия, выстраивать действия в цепочки и направления, не ожидая непосредственного результата, а соизмеряя его со всем множеством вложенных усилий. Так, у Фрейда Я выступает мерой соотношения реальности и Оно, объектом желания Оно, поскольку исключает непосредственное воздействие Оно на действительность внешнего мира [6, с. 335].

Как же обстоит дело с бессознательным современного сетевого мира? Поскольку Я больше не является мерой действия, именно его присутствие и предъявление подлежит перекрестной калькуляции и измерению. Цифровое бессознательное формируется как отражение бесконечного умножения калькуляций. Собственно, исполненность числа как меры, лежащей в основе счета, является одновременно и условием цифры, и областью ее невозможности, отмены, поскольку умножение порядков исчисления исключает саму возможность исполнения и завершения счета. Мир цифры — это тотальность измерения без меры, без полноты присутствия, для которой сама мера остается вытесненным условием. А это значит, что и Я перестает быть собственной мерой, реализуя в себе желание быть измеренным, встроиться в систему исчислений. И, наоборот, желание быть мерой вытесняется и проявляет себя со всей яростью бессознательного в буйстве рейтингов, опросов, в склоках в комментариях и форумах: бесконечно измеряемый субъект хочет не только быть оцененным другими, но и постоянно говорить о других, оценивать других, быть в отношении другого тем, чем не может быть в отношении себя — мерой, единицей присутствия.

По-видимому, можно сказать, что сеть создает среду для совершенно нового типа данности субъекта, сетевого Я, поскольку способом данности здесь выступает не действие, не обмен и не знак, а сама сеть как множество контактов и исчислений, которые несут знание о нас, отмечая наше присутствие как точку вхождения в сетевое пространство. Быть включенным значит быть тем измеряемым и измеряющим субъектом, в котором сходятся разнонаправленные влечения Оно, это значит присутствовать и постоянно отсрочивать свое присутствие, оставляя возможность для новых запросов сети, новых контактов и новых исчислений.

Данность Я образует границу той области, в которой действия получают субъективную маркировку, но сведение их единству, сознанию Я, требует

дополнительной работы рефлексии, которая может приобретать характер испытания и исследования себя, сомнения, скрывания или разоблачения. В этом случае речь идет не о данности себя, а о некоем избытке себя, и, следовательно, о способе управления избытком, о власти над собой и о воли к власти. Если теперь обратиться к первым двум типам данности Я, то несложно назвать те виды рефлексии, которые признаются в качестве господствующих форм самосознания и самоутверждения субъекта. Рефлексия «Я могу» обретает признание в различных формах мастерства и искусности, позволяющих вступать в конкуренцию с другими и находить области собственного совершенства и доминирования. Рефлексия «Я мыслю» достигает своего исполнения в исключительных жестах, которые мы относим к сфере выбора: выбора новых форм выражения либо практического и морального выбора. О том, что рефлексия «Я знаю» устроена гораздо более сложным и даже парадоксальным образом, можно заключить уже из декартовского *cogito*, которое отталкивается от личной истории, рассказанной Декартом в «Рассуждении о методе», но претендует при этом на учреждение универсального метода познания (не говоря уже о том, что в существенной своей части оно буквально воспроизводит аргумент Августина).

Любое утверждение относительно Я принадлежит языку, а еще точнее определенному дискурсу, соединяющему порядок знания и власти, но поскольку этот дискурс нам не принадлежит, мы можем располагать только общим знанием о форме и стратегиях субъективности, иначе говоря, о требованиях, которые дискурс предъявляет к субъекту первого лица. Очевидно, что и в этом случае сохраняется возможность присвоить если не сам дискурс, то какую-то его часть, но и в этом случае Я остается лишь одним из элементов дискурса, пусть и приобретает статус автора. Стоит вспомнить в этой связи имена Платона и Сократа, поставивших в центр философии вопрос о познании человеком самого себя. В первом случае мы увидим автора, который существует на границе своих текстов как общий принцип их построения и смысловой взаимосвязи, во втором — человека, который отказывается от авторства и претензий на собственный дискурс, но тем самым остается в истории лишь как персонаж чужих текстов. Возможно, сократовский призыв к самопознанию не требует осмысления личного присутствия Я, хотя трудно сомневаться в личностном отношении к философскому предприятию того, кто отдал за него свою жизнь. Иное дело путь познания себя, который изображает современник Сократа Софокл в трагедии «Царь Эдип». Как известно, весь сюжет трагедии сводится к расследованию преступления, которое в конечном итоге должно ответить на вопрос, кто есть Эдип. Ответ на этот вопрос совпадает с полным разоблачением Эдипа как преступника, потому что единственная форма представления личного присутствия в дискурсе может быть только признанием его невозможности, нелегитимности, греховности, абсурдности (на этом принципе строится любая самопрезентация или исповедь, будь то «Исповедь» Августина или, например, «Похвала глупости» Эразма). Иначе говоря, рефлексия «Я знаю» строится либо по типу самосокрытия, либо, наоборот, саморазоблачения.

Применимы ли эти рассуждения к сетевому Я? Прежде всего, сеть является полем обмена означающими, хотя в структуре дискурсов, которые господствуют в этой сфере, на первом месте стоит измерение и калькуляция, а потому

не удивительно, что и искусность, и радикальность выбора здесь заменяются, во-первых, знаками исключительности и свободного решения, а, во-вторых, эти знаки оцениваются соответственно тому, как много они способны набрать просмотров, знаков одобрения и репостов. Что же касается знания себя, то здесь стоит начать с того, что сеть может вырабатывать специфические формы знания, основанные на колоссальных возможностях мультипликации усилий различных пользователей. Немногие открывают неизвестное и создают новое, тогда как множество способно отсеивать ошибочное и выбирать наилучшее. Частичное знание многих позволяет до блеска отделять трудные для понимания, никогда полностью не доработанные творения единиц: «основанные на компьютере системы знания подрывают авторитет экспертов; экспертные суждения теперь легко проверить» [1, с. 117]. Впрочем, эффективность этого знания имеет очевидные границы, поскольку его необходимость в конечном итоге полагается на «каскадный эффект», при котором знанием считается то, что, как представляется, считают знанием все остальные, каждый из которых также считает знанием то, что считается знанием у всех остальных [1, с. 115]. Этим двум формам организации знания соответствуют две формы сетевого Я: форма самосокрытия, анонимного участия в роевом разуме сети, и форма саморазоблачения, делающая любую попытку личного предьявления, самоисследования или исповеди элементом каскадных излияний, обращенных ко всей сети и отражающих в себе бесконечность чужих излияний, отражающихся друг в друге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Больц Н. Азбука медиа. — М.: Европа, 2011.
2. Кастельс М. Власть коммуникации. — 3-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
3. Критика цифрового разума / гл. ред. В. В. Савчук. — СПб.: Академия исследования культуры, 2020.
4. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1985.
5. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
6. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. — Т. 3. — М.: ООО Фирма СТД, 2003.
7. Шевцов К. П. Современный мир как общество фейка // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20, вып. 3. — С. 52–62.